

ERA
Байт

ОПАСНОЕ

современный
любовный
роман

Влечение

Ева Вайт

Опасное влечение

<https://litres.ru/74203973>

Аннотация

Марина — блестящий хирург, чьё сердце окаменело два года назад, когда бандиты убили ее жениха.

Богдан — бизнесмен связанный с криминалом. Его мир — это холодный расчёт и свинец.

Их пути пересекаются в больнице. Он — её опасный пациент с пулей в животе. Она — его последний шанс выжить. Страсть вспыхивает стремительно и неотвратимо, стирая границы между долгом и запретом. Марина понимает правду слишком поздно, когда уже носит под сердцем его ребёнка, а Богдан снова оказывается на её операционном столе.

Комментарии, не относящиеся к сюжету книги, удаляются!

Книга - участница литмоба "Время лечит"

История Лиды уже на сайте -

Содержание

Опасное влечение	4
Глава 1. Марина	5
Глава 2. Марина	11
Глава 3. Марина	17
Глава 4. Богдан	23
Глава 5. Марина	28
Глава 6. Марина	33
Глава 7. Марина	40
Глава 8. Богдан	46
Глава 9. Марина	52
Глава 10. Марина	57
Глава 11. Марина	62
Глава 12. Богдан	67
Глава 13. Богдан	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Опасное влечение

Марина — блестящий хирург, чьё сердце окаменело два года назад, когда бандиты убили ее жениха.

Богдан — бизнесмен связанный с криминалом. Его мир — это холодный расчёт и свинец.

Их пути пересекаются в больнице. Он — её опасный пациент с пулей в животе. Она — его последний шанс выжить. Страсть вспыхивает стремительно и неотвратно, стирая границы между долгом и запретом. Марина понимает правду слишком поздно, когда уже носит под сердцем его ребёнка, а Богдан снова оказывается на её операционном столе.

Его мир — криминал. Её долг — спасти. Их чувства — приговор.
В романе нас ждёт:
криминал
жёсткий герой
столкновение двух миров
опасное влечение
страсть

Глава 1.Марина

Моя первая ночная смена выпала на новогоднюю ночь. В клинике доктора Трофимова, я недавно, поэтому кому еще дежурить, как не мне. Я, если честно, не особо готова к такому повороту событий, мы с подругой планировали встречать Новый Год вместе, но, как говорится, выбора у меня нет.

Бегу от остановки к клинике, перепрыгивая через снежные сугробы, словно прохожу полосу препятствий в кромешной тьме. Зима в этом году решила показать характер: суровая, снежная, безжалостная. Холодный ветер больно хлещет по щекам, я кутаюсь в объемный шарф, но он как бумажный щит против этой стужи.

Нога соскальзывает, я задерживаю дыхание, выбрасываю руки вперед, не удерживаюсь и падаю. Ладонями врезаюсь в ледяную колкость снега и больно ударяюсь коленом. Сумка слетает с плеча и беспомощно шлепается в сугроб. Сердце колотится так, словно рвется наружу. Стыдно, обидно, холодно.

Кое-как пытаюсь подняться, но ноги то и дело разъезжаются. Чувствую себя коровой на льду. С пятой попытки удастся подняться и собрать ноги в кучу. Я отряхиваю с перчаток белые хлопья, на брюки даже не смотрю, чтобышний раз не расстраиваться, хватаю сумку и снова вперед, уже осторожнее, почти скользя по насту. Только бы не опоздать.

В клинике тепло, как в другом измерении. Резкий контраст с уличной вьюгой заставляет на мгновение застыть в дверях. Сбрасываю налипший снег с ботинок, с куртки ледяные кристаллы, и делаю первый шаг по белоснежной плитке, оставляя грязные следы.

“Ну, здравствуй, новогодняя ночь”, — мысленно говорю я пустому коридору. Подхожу к своему шкафчику, вешаю куртку. Руки все еще дрожат — то ли от холода, то ли от адреналина после падения.

За углом слышу шаги. Появляется операционная медсестра в красном костюме, с кружкой чая в руках. Читаю на ее бейджике — Крупская Валентина Ивановна, ну вот и познакомились.

— Пришла! — улыбается она, а в глазах ее читается легкая жалость. Интересно, не ожидала меня увидеть? — Ну как, новогодняя погодка? — она с сочувствием смотрит на мои грязные джинсы и следы от ботинок.

— Прекрасно, — фыркаю я, пытаюсь отогреть замерзшие пальцы. — Прямо карнавал.

— А у нас тут тепло и тихо, — кивает она на палаты и подхватывает меня под руку. — Все спят. Только аппараты постукивают. Пойдем, чаю налью, согреешься.

В процедурной я быстро переодеваюсь в рабочий костюм: брюки, хлопковую рубашку и зеленый хирургический халат поверх. Застегиваю его одним движением — привычка, отточенная в ординатуре. На голову — чепчик, старательно пря-

чу выющиеся локоны.

– Спасибо, Валентина Ивановна, на чай времени нет, лучше покажите мне палаты, – говорю я, уже проверяя карманы: фонарик, перчатки, ручка. – И готовность операционной на экстренный случай. А с кем я сегодня дежурю из врачей? Кто старший смены?

– Старший смены. – Валентина Ивановна отводит взгляд. – Доктор Петров, он в ординаторской, – будто нехотя протягивает она и покрывается румянцем.

Я иду в ординаторскую и застаю картину маслом: старший хирург Петров, развалившись на кушетке, удерживает в руке фужер. На столе бутылка из-под шампанского и полупустая тарелка с нарезанными апельсинами и бананами. Он что-то бормочет под нос, явно не в себе.

– Доктор Петров? – осторожно касаюсь я его плеча.

Он медленно открывает глаза.

– А... новенькая... Приступайте к работе! – еле выговаривает он.

Валентина Ивановна все это время стоит в дверях, наблюдая неудачную попытку разбудить доктора.

– Ну... Новый год все-таки, – пожимает плечами она и смотрит на меня взглядом, уговаривающим пожалуй Петрова. – Он говорил, что сегодня тихо будет.

Голос диспетчера режет тишину, как нож:

– Дежурной бригаде в приемный покой! Поступление:

мужчина тридцать восемь лет, пулевое ранение.

Сердце замирает на секунду, потом начинает биться чаще, ровно, четко, по-рабочему. Пулевое. Значит, все серьезно.

Валентина Ивановна застывает в дверях с широко раскрытыми глазами.

– А как же Виктор Петрович? – спрашивает она и тыкает в него пальцем, позабыв, что буквально минуту назад пыталась оправдать его пьянство праздником.

– Готовим первую операционную. Немедленно. Вызывайте анестезиолога, лаборанта, двух санитаров. И разбудите кого-то из младшего персонала — пусть помогают, – твердо произношу я, игнорируя испуг Валентины Ивановны.

Она кивает, еще не совсем отошла от шока, но уже хватается за телефон, профессионализм берет верх.

Бегу по коридору к приемному покою. В голове проносятся протоколы: первичный осмотр, остановка кровотечения, диагностика, решение об операции. Все как в учебнике, только сейчас не учебник.

Двери приемного покоя распахиваются. На каталке крупный мужчина с бледным лицом и в кровавой рубашке. Рядом с ним еще один мужчина – коренастый, в кожаной куртке, с диким взглядом.

– Срочно! Осмотри моего друга! – кричит он, хватая меня за рукав.

Сложно осматривать в почти скрученном положении. Я с трудом выворачиваюсь из стальной хватки и, отстраняясь от

него, подхожу к пострадавшему. Давление 85/50, пульс частый, слабый. Рана в области живота, кровотечение обильное.

– Срочно в операционную, – командую я, помогая санитарам развернуть каталку.

Друг раненого встает у меня на пути.

– Постой! Где Петров!? Ты кто вообще такая? – прищурившись смотрит он на меня сверху вниз. – У тебя диплом-то хоть есть?

– Диплом? – холодно переспрашиваю я, скрывая растерянность и не отводя взгляда. – Сейчас он вам понадобится меньше, чем скальпель и кровоостанавливающие. Ваш друг теряет кровь, если сейчас я его не прооперирую, он умрет.

Он пытается схватить меня за халат, но я резко отступаю.

– Если мой братан умрет — тебя в этом городе больше никто не найдет. Поняла, кукла? – наступает он на меня и приближается так, что его лицо в сантиметрах от моего. Его дыхание пахнет перегаром и агрессией. Валентина Ивановна замирает у стены, а санитары опускают глаза, ожидая не моих инструкций, а его разрешения на необходимую для друга операцию.

Ненавижу Бандитов! Но я обязана спасти жизни, даже таким, как они!

Я скидываю подбородок, делаю глубокий вдох, чтобы набраться решимости и с вызовом смотрю другу пострадавшего прямо в красные от ярости глаза, цедя сквозь зубы:

– Угрозы оставьте для уличных разборок. Здесь — больница. Если вы сейчас не отойдете, ваш друг умрет у вас на глазах. И это будет на вашей совести. – Закончив тираду, я поворачиваюсь к бригаде и, подавляя дрожь в голосе, команду им, – В операционную, Немедленно!

*Дорогие читатели, добро пожаловать в мир моей новой книги!

 Добавляйте её в свою библиотеку и ставьте звёздочку — ваша поддержка невероятно важна для меня!

 Крепко обнимаю, ваша Ева!*

Глава 2. Марина

В висках стучит кровь, пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Вспоминаю такие же искаженные ненавистью лица тем вечером. Темная улица, крики, кровь на асфальте и Вадим. Уже не дышит.

Глотка сжимается от кома. Ненавижу их. Ненавижу каждого, кто смотрит с такой же жестокостью в глазах.

– Подключаем инфузию, готовим наркоз, – твердо отдаю я указания несмотря на внутренние протест и презрение.

Стоп. Выключить все эмоции. Я – врач. Я мысленно нажимаю на невидимый тумблер, и все боль, ярость, темная улица, Вадим, исчезают и становятся неважными. Остается только операционное поле, инструменты, показания мониторов и мужчина, в котором я вряд ли узнала бы бандита в обычной жизни, если бы не пулевое ранение.

– Разрез.

Я вижу поврежденную артерию и действую на автомате точными, выверенными движениями без намека на дрожь.

– Зажим. Отсос, – мой голос звучит, как запись диктофона – так же ровно и безэмоционально.

– Пульс стабилизируется, – доносится от анестезиолога.

Киваю, не отрываясь от раны. Сознание сузилось до размеров операционного стола. Есть только здесь и сейчас. Есть только долг.

Я аккуратно углубляю разрез. Ткани расходятся, обнажая пулю, что привела его на этот стол. Пинцет. Гулкий звон от пули, прыгающей в медицинской ванночке. Струйка солевого раствора вперемешку с остатками крови. Я уверенно зашиваю артерию, отточенными за три года практики движениями, и случайно скольжу взглядом по лицу пациента – ухоженная двухдневная щетина, опущенные уголки губ, морщины застывшие над переносицей даже в расслабленном состоянии. Красивый зараза. Жаль, что бандит. Был бы нормальным человеком — влюбилась бы без оглядки.

– Операция завершена. Передаем в реанимацию, – команду я, подавляя желание разглядывать его дальше.

Дверь операционной закрывается за спиной, я делаю глубокий выдох, стягивая с головы шапочку. Тут же на меня налетает неадекватный мужлан, с щелями вместо глаз.

– Жив? Говори сразу, жив?! – кричит он прямо в мое лицо, обдавая прокуренным дыханием. Его пальцы больно впиваются мне в предплечье.

– Отпустите меня! — Требую я ровно, но внутри все сжимается. – Он в палате интенсивной терапии. Операция прошла успешно.

– Какого хрена меня не пускают к нему? Мне надо убедиться!

Я стою неподвижно, смотрю в его глаза без тени колебания и лишь дрожь в коленях напоминает, как дорого мне стоит эта показная уверенность.

– Потому что реанимация это не проходной двор. А теперь пропустите, у меня другие пациенты. – холодно чеканю я каждое слово и отшатываюсь, высвобождая руку.

Прохожу мимо, чувствую его прожигающий спину взгляд полный ненависти. Каждый мой шаг, как по лезвию, но спину держу прямо, не поддаюсь панике.

Только когда поворачиваю за угол, прислоняюсь к стене и на секунду закрываю глаза. Дышу так глубоко, пытаюсь заглушить нарастающий грохот в висках, что кружится голова. Холод стены проникает сквозь халат, но внутри пожар. Все тело напряжено до предела, в горле стоит ком, дыхание сбивается, несмотря на все усилия.

Когда я возвращаюсь в приемное отделение, сразу подхожу к стойке и опираюсь на нее так, чтобы со стороны никто не увидел, как дрожат руки.

– Полицию вызвали? – спрашиваю я.

Медсестра замирает, округлив глаза. Ее взгляд скользит за мою спину, и я чувствую подвох еще до того, как слышу уверенные шаги. Мужлан подходит сзади и тяжело дышит в мой затылок.

– Никакой полиции! – рычит он, а администратор - Катя кивает, испуганно мигая. – Слышишь, – шепчет он уже мне в ухо. – Я сам все улажу.

Внутри все сжимается в тугой узел. Гнев поднимается по горлу, горький и знакомый.

– Уберите руки! – чеканю я, скидываю его ладонь одним

движением и поворачиваюсь к нему лицом. – И вызывайте полицию! – это уже приказ, брошенный через плечо, медсестре. – Вызывайте полицию, или я сделаю это сама! – Повторяю тверже.

Он отступает на шаг. Не от страха, а от ярости, что его посмели послушаться.

Салют озаряет ординаторскую и рисует на стенах сиене-красные узоры, я сижу на свободной кушетке сжимая кружку с горячим чаем. Новый год — праздник, до которого мне, как до луны. Кружка обжигает пальцы, но я не отпускаю, эта боль хоть немного возвращает к реальности.

Виктор Петрович продолжает спать, а во мне нарастает желание, вылить ему на голову графин с водой. Пусть просыпается и сам решает все проблемы с этими бандитами. Потому что полиция как приехала, так и уехала, окинув меня напоследок уничтожающим взглядом. Хорошо еще, что штраф за ложный вызов выписывать не стали “в честь праздника”.

На коленях история болезни, надо бы заполнить. Взгляд падает на строки с семейным положением – холост. Калашников Богдан Александрович.

Встаю, поправляю халат и иду в реанимацию, проверить Богдана Александровича. Приоткрываю дверь, он лежит неподвижно, аппараты мерно пищат. Беззвучно я подкрадываюсь к его койке и несколько мгновений разглядываю его спокойное лицо, сейчас оно мягче. Протягиваю ру-

ку, осторожно касаюсь его пальцев. Они холодные. Проверяю пульс, задержав пальцы на запястье больше нужного. Не понимаю, почему я так делаю, возможно потому что Богдан мой первый пациент, которого я оперировала сама. Его веки подрагивают перед тем, как открыться.

Его взгляд лениво фокусируется на мне. Серый, глубокий, еще мутный от наркоза, но уже осознанный. И под этим взглядом я не могу двинуться и продолжаю касаться его пальцев.

Он прищуривается, моргает, и наваждение тут же спадает с меня. Я одергиваю руку и отпрыгиваю на шаг, собирая все свое достоинство в кулак.

– Операция прошла успешно, — говорю я твердым голосом хирурга, который несколько часов назад руководил сложнейшей операцией. – Ваше состояние стабильное.

Прячась от его пристального взгляда, я отворачиваюсь к мониторам, будто проверяю жизненные показатели хотя прекрасно помню все цифры. Профессиональная дистанция тает с пугающей скоростью, чувствую себя снова практиканткой.

– Медсестра будет наблюдать за вами, — произношу я уже у двери и выхожу.

Первая ночная смена заканчивается. Я скорее переодеваюсь, но не успеваю уйти. Главный врач приехал в клинику и

вызывает меня и Виктора Петровича на ковер.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в еще одну увлекательную историю врача!

Али Драгам "Врачебная тайна"

<https://litnet.com/shrt/Eb3d>

Глава 3. Марина

Иван Платонович смотрит на нас из-под нахмуренных бровей и устало спрашивает:

– Что произошло ночью? Почему Марина Сергеевна одна оперировала важного пациента?

– Я.. Мне... – блеет, как овца, Виктор Петрович.

– Виктор Петрович был на третьем этаже, на перевязке, – зачем-то заступаюсь я. – Времени не было, поэтому я приняла решение оперировать сама. Операция была не сложная, – пересказываю я ему протокол операции.

Главный врач внимательно слушает меня, а его брови с каждым произнесенным словом сближаются сильнее и сильнее. Кажется, еще немного и они превратятся в одну сплошную монобровь.

– Значит так, – говорит Иван Платонович громко опуская ладонь на стол. – Баженовой Марине Сергеевне выговор с занесением в личное дело и предупреждение. Еще одно — и увольнение. Я не потерплю бардака! В моей клинике есть правила, которые нарушать никто не имеет права. Мы несем ответственность за жизнь наших пациентов, – безапелляционно заявляет он. — Теперь вы, Марина Сергеевна, под моим личным контролем.

Мои щеки моментально наполняются жаром и покалывают, как на вчерашнем морозе. Перевожу взгляд с главврача

на Виктора Петровича, тот согласно кивает и поддакивает. *Ах ты ж, старый мудак! Я, между прочим, спасаю твою шкуру!*

Мне работа в этой клинике, нужна как воздух. Родителям пришлось поднимать все связи, чтобы устроить меня сюда. И теперь по своей глупости я могу лишиться работы мечты и подвести родителей!

Обида от несправедливости обжигает нутро, я со всей силы сжимаю кулаки, так что ногти больно впиваются в кожу.

– Вы свободны, – холодным тоном бросает Иван Платонович, отводя взгляд в сторону бумаг на столе. – Виктор Петрович, останьтесь на минуту.

Сердце замирает. Неужели он все понял? Выхожу из кабинета, претворяя дверь, но задерживаюсь в коридоре, прижавшись к стене, так как в висках стучит. Сквозь щель слышу приглушенные голоса:

– ...ваша протекция не бесконечна, Виктор Петрович. Следующий провал и вопрос о вашей должности будет поднят. Ясно?

Не хочу подслушивать дальше, накидываю сумку на плечо и ухожу домой. Главное, что Иван Платонович все понял.

В вагоне метро, несмотря на первое января, многолюдно, но мне удастся найти свободное место. Тело гудит после бессонной ночи и трех операций. Чтобы не заснуть и не проехать свою остановку, достаю телефон и просматриваю мно-

жество поздравлений. Отправляю открытки и пишу родителям трогательное сообщение, обещая позвонить вечером. Мои родители год назад переехали в Краснодарский край, поближе к морю. Мне, к сожалению, еще ни разу не удалось погостить у них, но этим летом обязательно это сделаю. Тем более, зарплата теперь позволит.

Едва я переступаю порог квартиры, как оживает дверной звонок. Открываю дверь, и в меня летит конфетти вместе с выкриком подруги:

— С Новым годом!

Лида стоит на пороге, сияющая, в смешном колпаке и с блестящей хлопушкой в руке. За ней теплый свет из ее квартиры и запах мандаринов и корицы. Мне повезло, что подруга живет напротив меня.

— Ты только посмотри на себя! — смеется она, сметая с моего плеча конфетти. — Такое ощущение, что ты всю ночь вагоны разгружала, а не людей спасала.

Хмыкаю, пропуская ее замечание. На самом деле я так себя и чувствую.

— Заходи скорее, я глинтвейн сварила! И не смей говорить, что не хочешь! Сегодня ты отмечаешь со мной, раз наши планы в новогоднюю ночь накрылись медным тазом из-за твоего дежурства, — не унимается она.

— Лид, я так хочу спать, — устало отвечаю я. — Ты видишь, я только пришла домой. Еще не успела переодеться.

– Тем более, – она хватает меня за руку и тянет к себе в квартиру, – пойдем, я тебя накормлю, а то, зная тебя, в твоём холодильникемышь повесилась.

В её квартире пахнет так, словно здесь только что закончилась елка, детский утренник и небольшая кулинарная революция. На столе: оливье, запеченная курица, бутерброды, запотевшие бокалы и догорающие свечи. Лида без лишних слов наливает мне глинтвейн — густой, пряный, с апельсиновой цедрой и звездочкой бадьяна.

Я делаю глоток, и теплая волна растекается по уставшему телу, но не может прогнать ледяной ком тревоги, засевший глубоко внутри. Кажется, каждый мускул до сих пор напряжен, ощущение что я все еще стою в том кабинете под взглядом главврача, а Виктор Петрович своим молчаливым киванием подписывает мне приговор.

“Работа мечты” — фраза, которая когда-то звучала как музыка, а теперь отдается в висках тяжелым, горьким эхом. *Я не имею права на ошибку. Ни одной.* Родители... Мама тогда столько звонков сделала, столько унижений, наверное, проглотила, лишь бы устроить меня в клинику Трофимова. А я? Я чуть не обменяла их веру, их надежды на свою глупую, детскую уверенность, что все смогу, все выдержу. А еще этот Богдан.

Лида молча ждет, пока я соберу все мысли в единую картину. Еще несколько глотков божественного напитка и слова начинают вырываться сами рвано, скомкано, с дрожью в

голосе.

— Он все понял, Лид. Главный. Видел, что это не я виновата а Виктор Петрович... этот, — я закусываю губу, чувствуя, как снова накатывает волна гнева. — Он не сказал правды, не сказал, что напился и спал. Хотя по его виду итак понятно, чем он занимался накануне. Просто испуганно смотрел и поддакивал. Козел.

Я сжимаю кружку так, что пальцы белеют.

— Я боюсь, — выдыхаю я, и это признание будто обжигает изнутри. — Боюсь, что меня вышвырнут при первом же удобном случае. Что все усилия, вся вера родителей — напрасны. Что я не справлюсь не выдержу.

Глаза наполняются предательской влагой, но я моргаю, отгоняя слезы. Лида осторожно кладет руку на мою.

— Ты сделала то что посчитала нужным, — говорит она тихо, но твердо. — А все остальное мы как-нибудь переживем. А кого ты оперировала сама?

Я замираю и вспоминаю выразительный взгляд Богдана, от которого у меня перехватило дыхание. Сбивчиво рассказываю Лиде о нем и его ненормальном друге - мужлане, который угрожал мне.

— Красивый зараза.

— Понятно, — заключает она, — но с чего ты взяла, что они бандиты?

— Лид, — устало выдыхаю я, — огнестрельное ранение, угрозы. Этого мало? — развожу я руками.

Выпиваю еще один бокал глинтвейна, в теле появляется легкость, все переживания отпускают.

Я прощаюсь с подругой и иду к себе. Принимаю быстрый душ и ложусь в кровать. Я думала, что засну, едва моя голова коснется подушки, но нет. Стоило мне прикрыть глаза, как я увидела глубокий серый взгляд, от которого мурашки побежали по коже.

Дорогие читатели, сегодня я хочу познакомить вас с еще одной книгой нашего литмоба, Наси Орловой "Невеста без прошлого"

<https://litnet.com/shrt/DI-6>

Глава 4. Богдан

Медленно открываю глаза. Яркий свет бьет по зрачкам, как ножом режет. Блядь, хоть бы шторы закрыли. Пытаюсь подняться и тут же волна обжигающей боли в животе пригвозждает к койке.

Сука.

До меня доносится мерзкий писк монитора — ритмичный, назойливый, как комар в ухе. В правой руке катетер впивается в вену. Пытаюсь сжать кулак, не выходит, все тело ватное. Стены вокруг плывут, будто после тяжелого перепоя.

Дышу рвано, сквозь зубы. Тугая повязка на всю брюшину мешает сделать глубокий вдох.

Блядь... Точно, в меня стреляли. Прикрываю глаза и напругаю память.

Я приехал в ресторан вместе с Назаром отмечать Новый год. Были там и наши друзья, и знакомые, кто-то с женами, кто-то с любовницами. Все шло спокойно, я выпил несколько шотов. Но когда мы вышли покурить на улицу, началась потасовка. Меня кто-то толкнул, я в ответ кого-то ударил. А вот кто стрелял — не помню. Помню только резкую боль и как Назар держал руку на моем животе, зажимая рану. И все. Дальше провал в памяти. А где Назар?

Дверь в палату тихо скрипит. Входит невысокая женщина в белом халате, с аккуратно собранными в пучок волосами, поправляет капельницу.

– Не дергайтесь, – говорит она строго, – шов разойдется.

Смотрю на ее руки, тонкие пальцы, коротко подстриженные ногти. Перед глазами появляются флешбеки: молодая девушка с красивыми карими глазами, с интересом меня рассматривает и ее теплая рука. Я помню, что чувствовал тепло ее руки.

– Вам больно? – Голос медсестры возвращает меня в реальность. Моргаю, фокусируюсь на ее обеспокоенном лице. – Я могу сделать обезболивающий укол, – предлагает она, демонстрируя шприц.

– Нет, – выдавливаю я хрипло. – Все нормально. Мне нужен мой телефон.

– Вы сейчас находитесь в реанимации, здесь не положены телефоны. Скоро придет врач, – говорит она и развернувшись уходит.

После осмотра врача мне разрешают встать. Едва я спускаю с кровати ноги, как дверь в палату распахивается, и влетает заспанный и запыхавшийся Назар.

– Бодя, брат, ты как? – он подходит ближе и хлопает меня по плечу, от чего я невольно морщусь и выпускаю весь воздух из легких. Больно, сука!

– Лучше помоги мне встать, – сквозь зубы отвечаю я.

Он подает руку, и я с трудом отрываюсь от кровати.

– А тебе можно вставать? – скептически смотрит Назар. – Тебя только вчера прооперировали.

– Назар, – я устало смахиваю выступивший пот со лба. – Врач сказал начинать ходить. Кстати, ты отблагодарил Виктора Петровича за операцию? А то я его еще не видел.

– Виктор Петрович перебрал с шампанским. Тебя оперировала одна кукла с очень острым языком, – скривившись, выплюнул он.

Я заметил, как скривилось лицо Назара при упоминании “куклы”. Захотелось посмотреть на нее. Первый раз слышу, чтобы друг так негативно высказывался о девушке. Обычно он готов всех особ женского пола на руках носить. Так, ладно, с этим я разберусь позже.

– Ну, так ты ее отблагодарил? Она меня все-таки хорошо заштопала. – На осмотре врач показал мне шов, прежде чем сменить повязку.

– Не успел, она свинтила домой.

– В чем проблема узнать ее адрес?

– Слушай, она завтра будет на смене, я узнал, вот сам ее и отблаговаришь.

– Понял. Что со стрелявшим? Нашли?

– Да, вот, смотри, – Назар листает фото на телефоне. – Этот тип. Сергей Морозов, бывший мент, теперь работает на Лебедева.

Я всматриваюсь в снимки. Мужик лет сорока, коротко

стриженный, жесткий взгляд, шрам над бровью. Точно помню его лицо в толпе перед выстрелом.

– Лебедев? – переспрашиваю, чувствуя, как холодная ярость накатывает с новой силой. – Так он решил за мой прошлый отказ взяться за дело? Интересно.

– Бодя, он не один, – Назар переключает на следующее фото. – С ним еще двое, пока не опознали. Но я уже поставил ребят на уши, ищем.

Делаю шаг к окну, опираюсь на подоконник. Боль в животе отступает перед адреналином.

– Назар, слушай сюда, – поворачиваюсь я к нему. – Первое: находим этого Морозова, но живьем. Второе: готовим встречу с Лебедевым. Третье: ни слова никому, что я уже на ногах. Скажи всем, что я в коме.

Утром просыпаюсь от пристального взгляда и сразу встречаюсь глазами с ней. Малышка стоит у кровати, скрестив руки, в зеленом халате, темные и волнистые волосы собраны в небрежный пучок. Карие глаза изучают меня.

– Доброе утро, – говорит она ровным, холодным тоном. – Как вы себя чувствуете?

Пытаюсь приподняться, но под ее жестким взглядом остаюсь на месте. Черт, это та самая “кукла”. Та, что спасла мне жизнь. И та, про которую Назар говорил с такой ненавистью. Теперь я понимаю, почему Назар, так реагировал. Малышка похожа на школьницу.

– Вы оперировали меня? – уточняю я, не стесняясь ее осматривать.

Красивая сучка и видно, дерзкая.

– Да, – отвечает она и что-то записывает в планшете. – Как вы себя чувствуете?

Она не ждет от меня ответа, откидывает одеяло и отдирает пластырь с живота. Осматривает и ощупывает место операции холодными и точными в движениями пальцами.

– Шов заживает хорошо, – констатирует она без эмоций, снова делая пометку в планшете. – Но вам еще нужен покой.

Я чувствую, как по телу пробегают мурашки от ее прикосновения. Она возвращает пластырь на место, поправляет одеяло, и ее взгляд снова встречается с моим.

– Тебя, как зовут? – спрашиваю я.

– На “ты” мы с вами не переходили. А зовут меня Баженова Марина Сергеевна, – отвечает она. – И да, я помню, что меня не найдут, если с вами что-то случится.

Марина, больше на меня не взглянув, закрывает за собой дверь с той стороны. А я лежу слегка в ахере. Что это было?

Дорогие читатели! Встречайте еще одну книгу нашего литмоба

автора Евы Ричии "Роковая терапия для двоих"

https://litnet.com/shrt/M5_t

Глава 5. Марина

Вылетаю из палаты, словно за мной гонится стая собак. Не могу понять почему так реагирую на него. Возможно потому что он мой первый пациент которого я прооперировала сама.

У Богдана красивые глаза, я заметила, как он меня рассматривал и даже не пытался скрыть интерес. Да и такой мужчина не может не нравиться. Встряхиваю головой, прогоняя его образ из мыслей.

Заворачиваю за угол и утыкаюсь носом в чью-то мощную грудь. Делаю глубокий вдох, в нос ударяет резкий запах бергамота и кедра, от которого хочется сморщиться. Поднимаю голову и натываюсь на острый взгляд мужлана. В первую нашу встречу я не обратила внимания насколько он огромен. Больше похож на шкаф, чем на нормально среднестатистического мужчину. Голова лысая, скулы широкие, взгляд бешеный.

– Ты-то мне и нужна, – говорит он, а я наконец отмираю и отступаю от него на шаг. – Пошли поговорим.

Не дождавшись от меня ответа, хватает за локоть и тянет к ресепшену.

– Уберите руки! – вскрикиваю я, вырываясь. – Не смейте меня трогать!

– Не дерзи, кукла, – ухмыляется он, ослабив хватку. – Я пришел с миром.

– С ним и уходите! Мне некогда, меня пациенты ждут, – огрызаюсь я и, пользуясь тем, что он меня больше не держит, забегаю в ординаторскую.

Стоит мне выдохнуть, облокотившись на закрытую дверь, как перед глазами появляется Виктор Петрович. Заметив меня, он начинает заискивающе улыбаться.

– Мариночка, дорогая, – подходит он, – давайте выпьем кофе, познакомимся поближе. А то на прошлой смене у меня давление подскочило, и мы так и не успели толком пообщаться.

Охренеть! Теперь “пьянство на рабочем месте” так называется?! Я ошарашенно смотрю на Виктора Петровича и не знаю, что ему ответить.

– Ну что вы замерли, Мариночка? Проходите, садитесь, я уже стол накрыл.

Я заглядываю за его спину, и правда, расстарался на славу: торт, фрукты, конфеты и, бутылка шампанского.

– Виктор Петрович, – наконец-то отмираю я. – Смею напомнить, что это больница а не ресторан! У меня благодаря вам уже есть один выговор...

– Значит так! – моментально меняется он в лице. – Если ты, выскочка, не хочешь по хорошему, то пеняй на себя, – зло выплевывает он.

– Это угроза? – уточняю я, сложив руки на груди.

Он молча смотрит на меня, а в его глазах плещется презрение. Воздух в ординаторской становится густым, как си-

роп.

– Угроза? – внезапно усмехается он, отступая на шаг. – Нет, это констатация факта. Ты сама все испортила.

Он с каменным лицом убирает бутылку шампанского в шкаф с громким стуком.

– Ладно. Работать, так работать. Но запомни, ты останешься без моей поддержки. А она тебе еще понадобится.

Он хлопает дверью, оставляя меня одну среди праздничного угощения. Что за день сегодня? Что за мужчины в этой больнице!? Хватают за руки, угрожают. Надо спросить у Лиды, может опять ретроградный меркурий? Но сначала кофе!

Едва открываю дверь, как в ординаторскую вламывается двухметровый мужлан, от которого я сюда и сбежала.

– Вы что себе позволяете? – возмущаюсь я. – Немедленно покиньте помещение!

– Цыц, кукла. Я всего лишь хочу отблагодарить тебя и все, – он поднимает руки в примирительном жесте.

– В каком смысле отблагодарить? – теряюсь я, не понимая, о чем он говорит.

– Ты спасла жизнь моему другу. – Он достает пачку пяти-тысячных купюр и сует мне в руки.

– Немедленно заберите деньги! – отпрыгиваю я, как от огня. – Я врач! Мы не принимаем вознаграждений за работу.

Его лицо темнеет. Мужлан подходит ближе, дергает меня за халат, пихает деньги в карман и, не говоря ни слова, выходит.

Козел! Мудак! Невоспитанный хам!

Карман жжет, такое ощущение, будто мой медицинский халат вот-вот воспламенится. Я чувствую себя униженной и оплеванной. У нас в клинике Трофимова хорошие зарплаты, да и при трудоустройстве Иван Платонович строго-настро-го запретил брать взятки. Я даже подписала соглашение по этому поводу.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в руках. Нет, так нельзя. Я не могу оставить эти деньги у себя, это противоречит всему во что я верю и всем правилам клиники.

Не медля направляюсь к Богдану, за него же заплатили эти деньги. Пока иду до его палаты, накручиваю себя до такой степени, что растерянность сменяется гневом.

Распахиваю дверь и замираю. Богдан согнувшись стоит около кровати и впивается пальцами в живот. На белой футболке проступает алое пятно, ползущее от шва.

– Что вы сделали? – выдыхаю я, подбегая к нему.

Он поднимает бледное лицо, на лбу капли пота.

– Просто... пошевелился, – сипит он, сжимая зубы. – Кажется, разошелся шов.

Аккуратно укладываю его на кровать и проверяю повязку. Теплая и влажная.

– Вам нельзя резко вставать! — говорю я строго, нажимая кнопку вызова медсестры. – Вы же только после операции! Две недели покоя, это не просто рекомендация!

Медсестра Валентина Ивановна вбегает в палату, ее глаза

расширяются при виде крови.

– Срочно набор для перевязки! – командую я, уже снимая старый пластырь и бинт.

Пока я провожу манипуляции с его швом, Богдан терпеливо морщится, но от обезболивающего укола отказался. Глупый поступок, но я никак его не комментирую. Закончив перевязку, я передаю Валентине Ивановне инструменты и мусор на вынос и вспоминаю о деньгах.

– Понимаю, вам сейчас нелегко, но я больше не могу ждать. Вот, – швыряю я пачку денег на кровать ему в ноги и отхожу. – И впредь прошу не подсылать ко мне своих амбалов с благодарностями!

С чувством выполненного долга я тянусь к дверной ручке, чтобы уйти из палаты по-английски, как и в прошлый раз, но не успеваю.

– Марина, стой! – властно раздается у меня за спиной.

Дорогие читатели, в нашем литмобе стартовала еще одна новинка от Милы Любимой

"А если нас никогда не было"

<https://litnet.com/shrt/ly85>

Глава 6. Марина

Делаю глубокий вдох и оборачиваюсь, сжимая пальцами холодную металлическую ручку.

– Простите, что? – уточняю я, приподнимая бровь. – Я не помню, чтобы мы с вами, Богдан Александрович, переходили на ты.

Богдан приподнимается на локте, его пальцы впиваются в край матраса и белеют от напряжения, а в глазах неподдельное удивление – он явно не ожидал такого услышать.

– Простите, Марина, я не помню, как вас по отчеству, – оправдывается он, выделяя последнее слово.

– Сергеевна, – подсказываю я и складываю руки на груди.

– Марина Сергеевна, ни я ни мой друг, не хотели вас обидеть. Это обычная благодарность. Не нужно нервничать.

– Я вас услышала, но повторю еще раз. Мне не нужны благодарности! Всего хорошего!

Не жду от него ответа, хотя он явно собирается продолжить разговор, и выхожу из его палаты. Если бы на дверях не стояли доводчики, я бы с удовольствием хлопнула от всей души.

За дверью выдыхаю. Стучу каблуками по глянцевому полу коридора, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя странную пустоту. Не нравится мне как я реагирую на этого мужчину, а он словно специально каж-

дый раз о себе напоминает. Есть масса других пациентов, но мои мысли крутятся только вокруг него. Все-таки, надеюсь, это из-за того, что он был первым моим пациентом.

Обычная благодарность! Тьфу, ты! Идите вы, Богдан Александрович, с этой благодарностью куда подальше!

Погруженная в мысли, я почти сталкиваюсь с Валентиной Ивановной.

– Марина Сергеевна, срочно в пятую операционную. Вас Виктор Петрович ждет. – взволнованно тараторит она.

Следующие несколько часов мы с Виктором Петровичем проводим сложную операцию. И мое мнение о нем как о враче в корне меняется. Я думала, он обычный алкоголик, который кроме перевязок ничего не умеет делать, а на деле он оказался высококвалифицированным хирургом.

– Марина Сергеевна, – зовет меня Виктор Петрович, когда мы выходим из операционной и моем руки, – к тебе случайно Назар не приходил? – и всматривается в мои глаза, ища в них ответ.

– Назар? – уточняю я.

– Да, друг Богдана.

Понятно, значит этого двухметрового мужлана зовут Назар. Вот только зачем это надо Виктору Петровичу? Какой его интерес? Операцию он не проводил, да и сейчас не наблюдает его.

– Приходил, – отвечаю я и, закрыв кран, тщательно вытираю руки полотенцем.

– И? – Он нетерпеливо дергает полотенце с крючка.

– Виктор Петрович, что конкретно вас интересует? Говорите прямо, не надо ходить вокруг да около.

– Где деньги? – подтверждает он мою догадку, ни капли не стесняясь.

Получается, он практикует такой способ зарабатывания денег. Неужели он не боится, что его уволят из клинике?

– Там где они и должны быть. У Богдана Александровича.

– Ну, ты и... – замолкает он на полуслове, запихивает в мои руки свое полотенце и быстрым шагом уходит.

Да, что, черт возьми, происходит?!

Не знаю почему, но именно сейчас мне хочется лечь на кровать и от души разреветься.

Валентина Ивановна заходит и с беспокойством смотрит на меня.

– Мариночка, все в порядке? Вы что-то бледная.

– Все прекрасно, – отвечаю я. — Просто сложная операция.

– Понимаю, – она подходит ко мне ближе и забирает оба полотенца. – Пойдемте я напою вас чаем с имбирем и медом.

Перед концом рабочей смены делаю обход. Останавливаюсь у палаты Богдана и замираю на пороге, собираясь с мыслями. Он пациент. Это моя работа. Мне придется туда зайти, несмотря на его попытку меня подкупить.

Только я подшагиваю, как дверь распахивается, и выходит

Виктор Петрович. Он бросает на меня презрительный взгляд и с неестественной улыбкой придерживает дверь:

– Проходи, Мариночка, тебя уже ждут.

– Марина Сергеевна, – зовет Богдан, – ты на меня не обижайся.

Он опять мне тыкает. Не воспринимает как врача. Я чувствую, как кровь приливает к щекам. И, стараясь сохранить профессиональное спокойствие, обращаюсь к нему:

– Богдан Александрович, я ваш лечащий врач. Ко мне обращаются на "вы"!

Я со стуком кладу стетоскоп на тумбочку. Чуть более громко, чем следовало. Богдан изучает меня с какой-то смесью упрямства и любопытства, уголки его губ подрагивают.

– Хорошо, Марина Сергеевна. Но ответьте хотя бы на один вопрос — почему вы так напряжены?

– Я не напряжена. Я профессиональна. И мне бы хотелось, чтобы и вы придерживались границ.

– Границы... – он тихо смеется. – А если я скажу, что мне нравится, когда вы злитесь? Ваши глаза становятся такими... живыми.

– Это неуместно! – мой голос дрожит. В один прыжок я оказываюсь у двери и хватаюсь за ручку. – Осмотр окончен!

Выскакиваю в коридор, сердце колотится где-то в горле. Прислоняюсь к холодной стене, пытаюсь отдышаться. Валентина Ивановна снова появляется, как по заказу. Она что, сле-

дит за мной?

– У Богдаши была? – спрашивает она с улыбкой, а у меня глаза готовы вывалиться из орбит.

Богдаши? Он здесь постоянный пациент? Хотя, почему нет? Он бандит, а такие долго живыми и здоровыми не ходят. В памяти сразу всплывает Вадим, но я настойчиво закрываю глаза и встряхиваю головой. Сейчас не время и не место его вспоминать.

Валентину Ивановну зовет другая медсестра, и она, кивнув, удаляется. А я облегченно выдыхаю – не придется отвечать на вопросы – и бегу переодеваться, пока еще кто-нибудь не задержал.

Я уже на пути к спасительному выходу из клиники, когда в рюкзаке раздается нудная трель телефона. Не сбавляя шага, и не отрывая взгляда от входной группы, скидываю рюкзак с плеча и лихорадочно роюсь в нем. Пальцы скользят по старой тетради, пачке салфеток, запутываются в наушниках.

Где же он!? Под стетоскопом я наконец нащупываю холодный корпус телефона. Выдергиваю его, почти роняя рюкзак, и вижу на экране - Лида.

– Да!

– Мариш, ты где?

– Вышла из клиники, а что?

– А, все, я тебя уже увидела, стой я сейчас подъеду.

Под мой удивленный взгляд подруга паркуется рядом на

своем "Солярисе", открывает окно и машет рукой.

– Давай быстрее, здесь стоять нельзя!

– Ты снова села за руль? – удивляюсь я, запрыгнув на пассажирское кресло и дергая ремень безопасности, чтобы убедиться – точно пристегнула. .

У Лиды много достоинств и сильных сторон, но вождение – не входит в их число. И недавнее ДТП тому доказательство.

– Я решила, что пора привыкать! Не могу же я все время на такси кататься, когда на парковке своя машина стоит. – отвечает она, плавно перестраиваясь в другой ряд.

– Лид, а ты уверена, что привыкать пора именно в такой снегопад? – Осторожно уточняю я, глядя на сугробы за окном.

Она не успевает ответить, машину заносит на скользкой дороге. – Лида! — кричу я, впиваясь ногтями в подлокотник.

Солярис выписывает неуправляемую дугу и с глухим ударом врезается в припаркованной внедорожник. Стекло трещит, срабатывает подушка безопасности, я улавливаю запах чего-то горелого.

Несколько секунд в салоне слышно только шипение радиатора и мое прерывистым дыханием. Я разворачиваюсь к Лиде, она сидит бледная, с расширенными от ужаса глазами, а пальцы все еще держат руль.

– Все в порядке? – спрашиваю я. – Ты не ранена?

Лида молча качает и продолжает крепко сжимать руль.

– Пиздец, – вылетает у нее.

В этот момент дверь внедорожника открывается, и оттуда появляется двухметровый мужлан в черной кожаной куртке.
– Полный пиздец, – подтверждаю я , глядя на перекошенное от гнева лицо Назара.

Приятного чтения, мои дорогие!

Сегодня я хочу вас познакомить с еще одной книгой нашего литмоба. Слава Ленская

"Учи меня"

<https://litnet.com/shrt/WLcL>

Глава 7. Марина

В ушах нарастает назойливый звон. Смотрю на Назара, и мир сужается до его перекошенного лица.

– Почему именно он?! – стону я и поворачиваюсь к Лиде.
– Ты не могла врезаться в другую машину?

Подруга отрывается от руля и смотрит на меня с недоумением.

– Что? Какую машину? – переспрашивает она и кивает в сторону Назара. – Ты знаешь его?

Назар уже стоит напротив Лидиногo “Соляриса” и в упор смотрит на меня через лобовое. Сначала удивленно, затем с усмешкой.

– Лучше бы не знала, – отвечаю я и отстегиваю ремень безопасности.

Лида вздрагивает от стука по стеклу прямо над ее ухом.

– Выходите, – спокойно произносит Назар и убирает руки в карманы.

– Сиди тут, – шепчу я ей.

Дыхание Назара клубится белым паром на морозном воздухе, или это из его ноздрей валит дым?

– Ну привет, кукла! – ухмыляется он. – Твоя подруга только из автошколы? Или просто взяла покататься чужую тачку?

– Назар, давайте мы сейчас вызовем ГАИ...

– Нахрена? – нагло перебивает меня он и сплевывает. – Я же вам должен, вот таким образом и рассчитаюсь.

– А как же? Я же совершила ДТП? – оживает Лида, вылезая из машины.

– Сейчас мои люди все решат, – отрезает он.

Рядом с нами останавливается черный джип, из него выходит такой же мужчина-шкаф, как и Назар и молча ждет указаний.

– Вызови Журавлева, отгоните тачки на наше СТО.

Пока мужчины обсуждают дальнейшее действия, Лида окончательно приходит в себя и разглядывает Назара. Его резкий профиль, уверенные движения.

– Мариш, – шепчет она, не отводя от него глаз. – А он кто? И почему он тебе должен?

Я не успеваю ответить. Назар заканчивает разговор, поворачивается к нам. Его взгляд скользит по Лиде, задерживается на ее лице дольше, чем нужно, и она слегка краснеет. Черт.

– Все улажено, – говорит Назар и указывает на джип посреди дороги. – Садитесь в машину.

Он открывает заднюю дверь перед Лидой, и она грациозно устраивается на сиденье и поправляет волосы. Я залезаю следом. В салоне пахнет кожей, холодным металлом и его парфюмом — терпким, древесным, дорогим.

– Адрес, – спрашивает он, глядя в зеркало заднего вида.

Я диктую наш адрес. Мощный рокот двигателя заполняет

салон, и машина плавно трогается с места.

Лида нарушает тишину первой.

– Спасибо за ваше понимание, – говорит она, и в ее голосе звучит игривая благодарность. – Я только забрала машину из ремонта после прошлой аварии. Вот решила подругу забрать с работы.

Назар молчит.

– Мариш, ты так и не сказала. Это кто? – переключает свое внимание на меня Лида.

– Потом расскажу, – шиплю я и дергаю ее за рукав куртки.

Назар то и дело возвращает к нам взгляд в зеркало заднего вида. Лида не унимается – наклоняется вперед, упираясь локтями в водительское сиденье, откидывается на спинку кресла, придавая движениям томную, почти театральную небрежность. Расстегивает пуговицы на шубе и мех расходится в стороны, обнажая платье из тонкого шелка и ложбинку через откровенное декольте.

– А вы часто так помогаете людям? – ее голос звучит слишком сладко, слишком заинтересованно.

Назар усмехается в ответ одним уголком губ.

– Только красивым девушкам, – бросает он, и Лида замирает от такого прямого намека. Тоже заметил декольте. Вот только интересно, куда Лида вырядилась в такой снегопад?

Назар останавливает джип прямо у подъезда, но двигатель не глушит.

– Приехали, – говорит он, поворачиваясь к нам. – В сле-

дующий раз будьте аккуратнее. Оставишь свой номер телефона? – спрашивает он у Лиды и та незамедлительно достает свою визитку.

– Спасибо, – бормочу я, хватаю Лиду за руку и почти силой вытаскиваю из машины. Дверь захлопывается, и черный джип плавно отъезжает, растворяясь в вечерних сумерках.

Как я и думала, Лида идет не к себе в квартиру, а следом за мной. Закрывает дверь, упирает руки в бока и выпаливает:

– Теперь рассказывай!

От допроса меня спасает звонок от мамы. *Пока что*, – с разочарованием думаю я, но после продолжительного разговора все-таки возвращаюсь на кухню и замираю на пороге. Лида даже не переодевшись во всю хозяйничает – в шелковом платье у плиты помешивает мясо на сковороде. На столе уже два бокала с мартини.

– Ну?! – нетерпеливо произносит она, когда я отодвигаю от себя пустую тарелку и беру бокал с мартини.

Я устало смотрю на нее, мысленно умоляя не продолжать. Но судя по ее решительному выражению лица понимаю — допросу быть.

– Советую тебе держаться от него подальше, – вздыхаю я и делаю большой глоток коктейля. – Назар, это друг Богдана, которого я оперировала в новогоднюю ночь. Они бандиты.

Такой ответ Лиду не устраивает. Вопросы от нее сыплются один за другим, как град: как выглядит Богдан? Разгова-

ривала ли я с ним? Почему Назар мне должен?

— Мариш, ну не похож Назар на бандита, — резюмирует она.

— Пфф... Конечно не похож. Двухметровый лысый шкаф с манерами гопника — ну вылитый законопослушный гражданин, — с сарказмом отвечаю я.

Мы допиваем свои мартини, и Лида, довольная, уходит к себе в квартиру.

Я остаюсь одна, мысли о Богдане, Назаре и сегодняшнем вечере крутятся в голове назойливым роем. Но усталость берет свое, и я проваливаюсь в сон, даже не успев повернуться на бок.

Утро начинается не с будильника, а с настойчивого звонка в дверь. Я открываю глаза, мгновение не понимая, где нахожусь. Звонок повторяется.

Накидываю халат и, потирая виски, бреду к входной двери.

За дверью молодой парень в униформе службы доставки. В руках у него две коробки и огромный букет алых роз.

— Баженова Марина Сергеевна? — спрашивает курьер, я киваю.

Он передает все это богатство мне и улыбнувшись уходит.

Я заносу все в прихожую, ставлю на тумбу. Сердце почему-то стучит чаще. Сначала открываю плоскую коробку. Под слоем гофрированной бумаги лежит конверт с открыткой.

“Марина Сергеевна, пусть этот скромный презент подни-

мет вам настроение. Богдан”

*Дорогие читатели! Сегодня я хочу познакомить вас с
еще одной новинкой нашего лит.моба от Лены Весна
"Игрушка Дикого"*

<https://litnet.com/shrt/WAGs>

Глава 8. Богдан

Десять дней в этой клинике и я уже знатно задолбался. Не то чтобы я жаловался, место шикарное, обслуживание на высоте. Но от этого мои проблемы никуда не деваются, а только копятся.

И еще эта кукла от меня шарахается, как от огня. Хотя “кукла” ей не особо подходит — малышка, она самая настоящая малышка. Такая миниатюрная, стройная и такая... девочка-девочка.

Узнать ее адрес не составило труда после того, как ее подруга феерично врезалась в машину Назара.

Теперь каждое утро ей курьер доставляет всякие деликатесы, цветы и записки от меня. Но малышка — скала. Ни разу ничего мне не сказала. Нет, благодарности я не жду, но хотелось бы ее эмоций, пусть даже негативных.

Если честно, я думал, что когда ей доставили первый букет, она ворвется в мою палату вихрем и швырнет мне эти розы вместе с клубникой в рожу. Но малышка меня удивила. Она пришла на осмотр и, как ни в чем не бывало, провела его холодно-отстраненно, а потом вышла. На мои подкаты ей, похоже, чихать. И это начинает по-настоящему раздражать.

Но ничего. Еще не родилась та, что устоит перед моим напором.

Дверь палаты открывается. Я поворачиваю голову в на-

дежде увидеть свою кареглазую малышку с пухлыми губами, но на пороге — Назар.

– Бодя, здорово, брат! – он подходит и, как обычно, хлопает меня по плечу.

С-с-сука!

– Назар, еще раз так сделаешь, и я тебе сломаю руку, – шиплю я сквозь зубы.

Назар лишь усмехается, убирая руку, и плюхается в кресло у кровати. Его ухмылка говорит: “Знаю, но сделаю еще”.

– Не кипятись, рана заживет быстрее, – провоцирует он, доставая пачку сигарет, но, поймав мой взгляд, с неохотой убирает ее обратно в карман. – Как самочувствие?

– Как у кота, которого десять дней держат в хрустальной клетке и кормят икрой, – огрызаюсь я, стараясь приподняться на локте. Боль в боку тут же напоминает о швах. – Новости какие?

– По Морозову тишина. Как сквозь землю провалился ублюдок. Его люди разбежались, кто куда. – Назар хмурится. – Не нравится мне это. Тишина перед бурей.

– Или после нее, – мрачно замечаю я. Если Морозов исчез, значит, кто-то сильнее уже прибрал его дела к рукам. И этот кто-то теперь наверняка присматривается к моим. – Лебедев?

– Шевелится. Но осторожно. Ждет, видимо.

Ждет, когда я сдохну или окончательно ослабею. Старая песня.

– Пусть ждет, – говорю я, глядя в потолок.

В этот момент дверь открывается снова. И на этот раз она. Марина.

Она входит с планшетом в руках, как всегда, и тонкой папкой.. На ней белый халат поверх зеленого костюма, волосы собраны в строгий пучок.

Красивая, сучка, но гордая!

Она не смотрит на меня, ее взгляд скользит по экрану. Но я вижу, как сильно ее пальцы сжимают планшет.

Назар тут же вскакивает, как по команде. Он кивает ей, бросает мне короткий взгляд — “я все понял” — и выходит, прикрывая за собой дверь. Теперь мы одни.

Тишина. Она подходит к кровати, ставит планшет на тумбочку и открывает папку.

– Мариш, — наконец произношу я, нарушая тишину. – Ты принесла мне повестку?

Марина уже не просит называть ее на вы, привыкла наверное. Малышка поднимает на меня глаза. В них нет ни страха, ни раздражения только та же профессиональная отстраненность, но сегодня в ней чувствуется что-то окончательное.

– Ваши показатели стабильны, – говорит она ровным, безразличным голосом, игнорируя мой вопрос. – Температура в норме. Шов заживает без осложнений. Анализы хорошие.

Она делает паузу, доставая из папки несколько листов.

– Я выписываю вас.

Слова падают в тишину палаты, как камни. Она протяги-

вает мне бумаги — выписку, рекомендации, рецепты.

– Все расписано здесь. Антибиотики продолжить еще пять дней. Обработка шва. Ограничить физические нагрузки на месяц. Контрольный осмотр у хирурга через две недели.

Малышка говорит четко, быстро, как будто зачитывает инструкцию. Не оставляя места для вопросов или, тем более, для моих привычных подколов.

Я беру бумаги, не глядя на них. Смотрю только на нее.

– Это значит, что я больше не увижу тебя? – спрашиваю я, прищурившись.

Она на секунду отводит взгляд, поправляет несуществующую прядь волос.

– Моя работа завершена. Дальше наблюдение у хирурга в поликлинике.

– А твои профессиональные обязанности не включают в себя проверку пациента на свободе? – не сдаюсь я.

– Нет, – отвечает она твердо, наконец поднимая на меня взгляд. В ее глазах сталь. – Не включают. Вы — здоровый человек. И я больше не ваш лечащий врач.

Она закрывает папку, берет планшет.

– Медсестра поможет с оформлением. Вы можете покинуть клинику сегодня после обеда. Всего доброго, Калашников.

Марина уходит. Быстро, решительно, не оглядываясь.

– Марина! – выкрикиваю я и она замирает но не оборачи-

вається. Її спина пряма, плечі напружені.

— Я не прощаюся, — говорю я тихо, но так, чтобы каждое слово долетело. — Ты знаешь это.

Она медленно поворачивается. В ее глазах — не гнев, не страх. Что-то более сложное. Усталое раздражение, смешанное с предчувствием?

— Вы выписаны, — повторяет она, как мантру. — Наше общение закончено.

— Наше общение, малышка, только началось, — поправляю я.

По ее лицу пробегает тень. Она сжимает планшет так, что костяшки пальцев белеют.

— Не присылайте больше цветы и подарки, — наконец говорит она.

— Хорошо, — легко соглашаюсь я.

Марина слегка моргает, явно ожидая сопротивления.

— Не буду присылать цветы, — повторяю я.

Она кивает, обманутая кажущейся легкостью, и тянется к дверной ручке.

— Я буду приезжать сам, — добавляю я прямо ей в спину.

Марина резко оборачивается. В ее глазах вспыхивает то самое, долгожданное пламя — гнев, паника, отчаяние.

— Нет! — вырывается у нее, и это первый за все десять дней по-настоящему живой звук из ее уст. — Вы не посмеете!

— Вот видишь, — я медленно улыбаюсь, чувствуя, как адреналин приятно щекочет нервы. — Ты можешь проявлять

эмоции. Я же говорил.

Марина стоит и часто дышит, сжав кулаки. Похоже, она готова швырнуть в меня этим планшетом. И черт возьми, как я этого хочу!

– Оставьте меня в покое, – шипит она. – Я не хочу вас видеть. Ни здесь, ни где бы то ни было еще. Вы поняли?

– Понял, – киваю я, все так же улыбаясь. – Но, малышка, есть одна проблема. Я не тот, кого просят. Я тот, кто приходит. И мы еще увидимся. Обещаю.

Марина смотрит на меня еще несколько секунд, будто пытаюсь сжечь взглядом. И вылетает из палаты, хлопая дверью так, что стекло на тумбочке звенит.

Наконец-то. Искра. Настоящая, горячая, неконтролируемая.

Она думает, что выписала меня. На самом деле, она только что подписала нам обоим новый контракт. И в нем нет пункта о “профессиональных обязанностях”.

Я откидываюсь на подушки, закрываю глаза. Боль в боку все еще ноет, но теперь она кажется незначительной.

До скорого, малышка. Очень скоро мы увидимся.

Приятного чтения) Дорогие мои читатели, сегодня я хочу познакомить вас с еще одной новинкой нашего лит-моба от Элены Макнамара "Вип пациент"

<https://litnet.com/shrt/GzhB>

Глава 9. Марина

Я устраиваюсь на диване в ординаторской, согревая руки о кружку ароматного чая с медом и лимоном. Мысли скачут, как пони через барьеры — от внезапно свалившихся проблем на работе до Богдана с его ежедневными подарками.

Виктор Петрович сегодня торжественно объявил о моих новых обязанностях. Теперь я должна заполнять не только свои истории болезни и проводить осмотры, но и его. “Опыта у тебя мало, а гонору хоть отбавляй, нужно набивать руку и сливать лишнюю энергию в правильное русло”, — бросил он, даже не глядя в мою сторону.

Сiju и думаю, сколько еще придется набивать руку под его началом.

А Богдан? Меня напрягает, что он знает мой домашний адрес. Его внезапное внимание в виде бесконечных цветов и сладостей, порядком нервирует. Я уже не маленькая девочка и прекрасно понимаю, чего он добивается. Он хочет затащить меня в постель. Но есть одно большое и жирное “НО”!

Он БАНДИТ!

Два года прошло со смерти Вадима, а я до сих пор не готова к новым отношениям. Особенно к отношениям с бандитом, снова. А закручивать интрижку не в моем стиле. И что-то мне подсказывает, что и не в его.

Поэтому я решила упростить задачу нам обоим и победить наши нервы — просто отказав. Жестко и окончательно.

К моему сожалению Богдан этого не понял или не захотел понимать. Сказанные им последние слова подтверждают это.
“Мы еще увидимся”

Делаю глоток чая и блаженно закрываю глаза. В ординаторскую влетает Виктор Петрович и, уперев руки в боки, гневно стреляет в меня взглядом.

— Баженова! Я не понял, кто тебе разрешил выписать Калашникова?

Я удивленно смотрю на него.

— Кхм... Трофимов Иван Платонович, — спокойно отвечаю я и ставлю кружку на стол. — А что?

— Трофимов? — удивленно переспрашивает он и опускает руки. — Иван Платонович был здесь?

Едва сдерживаюсь, чтобы не съязвить, что начинать рабочий день стоит вовремя, а не к полудню. Ибо мои высказывания сулят мне одни неприятности.

— Да, с утра вызывал на планерку. Я показала ему историю болезни, мы обсудили его лечение и он разрешил выписку. А что случилось?

— Ничего.

Виктор Петрович надевает очки и садится за свой рабочий стол. От напряженного мыслительного процесса он даже покраснел. Может, предложить ему измерить давление?

Ох, Марина, ничему тебя жизнь не учит!

Телефон вибрирует – сообщение от Лиды:

“Марии, покорми, пожалуйста, вечером Лео. Я вернусь поздно”.

Вот это уже интересно. Лео — ее кот бельгийской породы, огромный, жирный и невоспитанный, и у нас с ним, мягко говоря, отношения не сложились. Стоит нам встретиться, как он тут же пытается укусить или поцарапать меня.

“Ты уверена, что Лео обрадуется мне? Ты устроилась на работу?”

“У него не будет выбора, а есть он захочет) Нет, я на свидании с прекрасным мужчиной”.

Ну и славно, я то заладила с этим Назаром. Все уши прожужжала.

“Хорошо тебе провести время) Так уж и быть, кота покормлю)”

Лида читает сообщение, и не ответив исчезает из сети.

После рабочей смены я на автомате захожу в магазин у дома. Со вздохом облегчения – не разобрали – нахожу любимые вареники с творогом и бутылку кефира.

Как только я захожу в квартиру, не включая свет в прихожей, прислоняюсь к косяку. Дома. Наконец-то.

Вспоминаю про обещание Лиде. Кот. Этого капризного бельгийца еще нужно покормить. Но сначала переодеться. Эти джинсы и свитер порядком мне надоели, и поставить во-

ду под вареники.

Я переодеваюсь в мягкие шорты, просторную футболку и уютные плюшевые гольфы. Волосы распускаю из тугого “рабочего” пучка. Они тяжелым каскадом падают на плечи. Блаженство. Хотя бы на уровне тактильных ощущений.

На кухне ставлю кастрюльку на огонь и выскальзываю в подъезд, сжимая в руке ключи от квартиры Лиды.

– Устала, Марина?

До ужаса знакомый голос раздается прямо за моей спиной. Я вздрагиваю всем телом. Ключ выскальзывает из пальцев и с металлическим лязгом падает на кафельный пол.

Через силу, оборачиваюсь.

Богдан.

Он стоит в тени, возле лестничной клетки, почти сливаясь с темнотой. На нем темная водолазка, руки в карманах джинсов. Его лицо в полумраке кажется высеченным из камня.

– Богдан, – выдыхаю я. – Что вы здесь делаете?

– Я говорил, мы еще увидимся, – отвечает он, не двигаясь с места. – Я не нарушаю свои обещания. Никогда.

– Я просила оставить меня в покое! – выкрикиваю я и он морщится, словно я оглушила его.

– Ты просила, — повторяет он и делает шаг, выходя из тени. Свет лампы выхватывает его лицо — скулы, твердый подбородок, и глаза. Глаза, которые сейчас смотрят на меня с таким откровенным, нескрываемым желанием, что у меня перехватывает дыхание. – И я услышал. Но ты, кажется, не

поняла главного, Марина. Когда я чего-то хочу, я этого добиваюсь. А я хочу тебя.

Дорогие читатели! Сегодня я хочу познакомить вас с книгой Анастасии Ивановой

"Бывший, реанимируй нашу любовь"

<https://litnet.com/shrt/3Fs7>

Глава 10. Марина

Богдан говорит это просто, без прикрас, без романтических намеков. Он четко заявляет о своем намерении. Я немного теряюсь. Его жадный взгляд скользит по мне, будто сдирая домашнюю одежду и усталость, и останавливается на распушенных волосах.

– Твои волосы... они как шелк, – говорит он, и его хрипловатый голос становится ниже. – Я представляю, как они рассыпаются по подушке. А эти ноги... – он делает короткий одобрителный выдох, глядя на гольфы. – Они созданы не для того, чтобы бегать по больничным коридорам. Они созданы для того, чтобы обвивать...

– Довольно! – обрываю я.

Внутри происходит что-то чудовищное. Не страх и возмущение, а предательское, дикое, запретное возбуждение. Мне нравится то что я слышу, мне нравится как он это говорит, эта его грубая, животная прямота. Нравится, как он смотрит — не скрывая, что хочет. Нравится сила, которая исходит от него и которая так контрастирует с моей вечной осторожностью.

Эта первобытная откровенность бьет по нервам, как удар тока. Она пугает и заставляет кровь бежать быстрее. Постыдный отклик внутри меня вызывает волну паники, и я готова провалиться сквозь землю.

Я не закатываю глаза. Я отворачиваюсь, потому что не могу больше выдерживать его взгляд. Мое лицо пылает, тело подрагивает.

– Вы... вы с ума сошли, – шепчу я в стену. – Уйдите. Сейчас же.

– Я не сумасшедший, Марина. Я просто честный, – слышу я его голос совсем близко. Он стоит на месте, но кажется, что его тепло уже касается моей спины. – И я вижу как ты на меня смотришь. Даже сейчас. Ты боишься не меня. Ты боишься того, что чувствуешь сама. Признайся.

“Признайся”. Это слово, как нож, режет мои барьеры.

Он прав. Я боюсь. Боюсь этого притяжения. Боюсь опасной искры, которая вспыхнула где-то глубоко внизу живота, когда он сказал про мои ноги. Боюсь, потому что знаю чем заканчиваются такие истории. Потому что Вадим тоже был сильным, опасным и неотразимым.

– Я ничего не чувствую! – лгу я, глядя ему в глаза. – Я чувствую только то, что вы нарушаете мои границы!

Но даже мне мои слова кажутся фальшивыми, детскими. Он видит это. Видит дрожь в моих руках, влажный блеск в глазах, замечает частое дыхание. Богдан молит несколько секунд, и его выражение немного меняется. Жесткость в глазах смягчается, но желание никуда не уходит.

Пора прерывать это. Я наклоняюсь и поднимаю с пола ключ. Из-за двери Лидиной квартиры раздается раздирающий душу, крик. Не мяуканье, а настоящий рев полный ярости.

сти и нетерпения, и сухой звук когтей, скребущих по дереву изнутри. *Шкр-шкр-шкр*. Будто скребут по моим оголенным нервам.

Я выпрямляюсь, прижимая ключ к груди.

– Богдан, мне некогда, – говорю я, глядя на дребезжащую от кошачьих атак дверь и устремляясь к ней, но я не успеваю вставить ключ в замок.

– Давай поужинаем.

Я замираю с ключом в руке, уставившись на дверь Лиды. Кот за ней взвыл снова – протяжно, яростно, с этим проклятым шкр-шкр-шкр когтей по дереву, которое режет нервы, как нож.

Черт! У меня на плите стоит кастрюля с водой. Сколько времени я уже здесь стою? Вспоминаю я.

– Ладно, поужинаем. Но не сегодня. А теперь уйдите, пожалуйста. Мне нужно разобраться с котом.

Богдан кивает, уголок его рта дергается в легкой улыбке.

– Суббота, я заберу тебя в семь.

– Хорошо, – бормочу я, и прячусь в квартире подруги.

С порога на меня набрасывается рыжий шар – Лео с разбегу врывается в мои ноги и трется о щиколотки, громко мурлыкая. Удивительно.

– Из-за чего ты меня полюбил? – спрашиваю я и глажу его. – Неужели все дело в еде?

Быстро насыпаю ему корм и убегаю к себе.

До субботы Богдан не приезжает и не звонит. Только ежедневные подарки продолжали поступать, ровно в семь утра. Даже сегодня, в выходной. Взгляд, которым я окидываю курьера, думаю, запомнится ему надолго.

Я стою перед зеркалом в спальне уже сорок минут. На кровати кладбище отвергнутых нарядов. Черное платье слишком нарядное, джинсы и свитер не для ресторана, синее платье не так сидит.

В итоге на мне широкие темно-зеленые брюки и шелковый топ песочного цвета с глубоким V-образным вырезом. Сверху короткий пиджак, чтобы не выглядеть слишком откровенно.

Без двадцати семь.

– Что ты делаешь, Марина? – шепчу я, замирая с кисточкой от туши в руке. – Это же другой мужчина.

Раньше я и представить не могла, что пойду с кем-то на свидание. Мне казалось, что я предаю нашу любовь с Вадимом. А теперь тщательно собираюсь.

Прошло два года. Это мало или много? Может не надо было соглашаться? Может надо было дать отпор Богдану в очередной раз?

Час назад звонила мама по видеосвязи и, увидев мои сборы, едва в ладоши не начала хлопать — так она была рада. Я, конечно, не поделила ее радости, но и показывать ей этого не стала. А на ее надежду, что сейчас я выбрала достойного и

нормального мужчину, я невнятно пролепетала – да. Не буду же я ей рассказывать, что спасла его после пулевого ранения.

Дорисовываю стрелку, расчесываю локоны. И вот я стою наряженная, напудренная и жду другого. Жду мужчину, чей взгляд сдирает кожу. Мужчину, который говорит то, что думает. Который хочет открыто, грубо, без прикрас.

Домофон гудит.

Сердце замирает, а потом начинает колотиться с такой силой, что кажется, вырвется наружу. Палец сам тянется к кнопке.

– Да? – тихо отвечаю я.

– Я внизу.

Дорогие читатели! Пусть в Новом году каждая страница вашей жизни будет наполнена яркими событиями, вдохновением и теплом. Желаю, чтобы 2026-й принёс вам новые увлекательные истории, крепкое здоровье и исполнение самых заветных желаний! Пусть каждый день будет таким же захватывающим, как любимая книга, а удача станет вашим верным спутником.

А еще я хочу вас познакомить с еще одной новинкой нашего литмоба от Александры Астафьевой "Побочный эффект - любовь"

<https://litnet.com/shrt/ZixT>

Глава 11. Марина

Богдан стоит около джипа и курит. Непривычно видеть его в черном пальто, белой рубашке и черных брюках. Такого брутального и мужественного, а не бледного в пижамных штанах и футболке.

Богдан замечает меня и выкидывает окурок в сугроб. Некультурный, рядом стоит урна.

Резкая перемена в образе, сосредоточенный взгляд в темноте. Он подстригся и укоротил бороду. Красивый и ужасно притягательный. Я засматриваюсь, а нога предательски скользит по утрамбованному снегу. Я взмахиваю руками, пытаюсь удержать равновесие, но уже чувствую, как падаю назад.

– Мамочки! – сиплю я.

Сильные руки подхватывают меня за талию, не давая упасть, сумка летит в сугроб.

– Как ты успел добежать так быстро?

– Рефлексы, – говорит он с легкой ухмылкой. – Или просто очень не хотел, чтобы ты упала. Тогда бы нам пришлось перенести наш ужин, а этого точно нет в моих планах.

– Уже можно отпустить меня, – выдыхаю я, все еще ощущая его хватку.

Богдан не отпускает, а только сильнее сжимает пальцы на талии и пристально изучает мое лицо, вызывая мурашки на

спине.

– Ты уверена? – хрипло спрашивает он и прокашливается. – А то вдруг снова поскользнешься. Мне не хочется рисковать.

Сердце бешено стучит. Голова кружится от его близости и запаха – легкий аромат древесного парфюма смешанный с холодным зимним воздухом.

– Я в порядке. Спасибо, что поймал.

Богдан наконец отпускает меня, его руки медленно соскальзывают по моей шубе. Он наклоняется, поднимает из сугроба сумку, отряхивает снег.

– Вот, – протягивает он мне ее и открывает заднюю дверь, – поехали?

Я сажусь в салон, он садится рядом. Я ловлю себя на мысли, что не могу отвести от него глаз. Что со мной? Это просто шок от падения или что?

Мы подъезжаем к ресторану на Патриарших. Богдан выходит из машины первым и хватается за живот, болезненно хмурясь.

– Тебе больно? – вылезая следом я и кладу руку ему на плечо.

– Все в порядке, – четко выговаривает он, кладя свою руку поверх моей.

– Ты был у врача? Он осматривал рану?

– Переживаешь? – спрашивает он с легким прищуром.

Я не отвожу руку, чувствуя напряжение в его плече даже под плотной тканью пальто.

– Да, переживаю, – честно признаюсь я. – Ты же тогда потерял много крови. И сейчас явно не все в порядке.

Он глубоко вдыхает, и его рука на моей сжимается чуть сильнее.

– У меня осталось еще восемь жизней, – отшучивается он.

– Богдан, это не смешно! Инфекция, расхождение швов. Ты хочешь обратно в больницу?

– Если лечить меня будешь ты, то да! – Ухмыляется он и тут же переводит тему. – Так, ладно, пойдем.

Богдан ведет меня под руку до самого ресторана. Явно боится, что снова упаду.

Шум большого города остается за тяжелой дверью, сменяясь тихой музыкой, шепотом разговоров и звоном бокалов. Консьерж почтительно кивает Богдану: “Добрый вечер, Богдан Александрович”.

Нас провожают к столику у окна. Богдан отодвигает для меня стул, и на секунду касается моей спины рукой. Садится напротив бледным, но тут же скрывается за меню.

Пока я листаю страницу за страницей, мне становится не по себе, кожу головы неприятно покалывает. Ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я поднимаю глаза над меню – Богдан увлечен винной картой.

Я бегло оглядываю зал: электрический свет приглушен, зал освещают свечи, за столиками шепчутся парочки, у бара

в одиночку пьет пара мужчин, шумная компания в дальнем углу. Никто не смотрит в нашу сторону явно.

Стоит мне расслабиться, как замечаю, идущего к нашему столику, Виталию – лучшего друга моего мертвого бывшего. Впервые после похорон его вижу. Всегда его на дух не переносила и это взаимно.

– Богдан Александрович, Марина, добрый вечер, – здоровается он скорее с Богданом, чем со мной, потому что ко мне он даже не поворачивается, будто меня не существует.

– Виталий, – произносит Богдан, коротко кивая с каменным лицом.

– Я видел, как вы зашли, — наконец говорит он, и его пальцы слегка подрагивают, когда он проводит рукой по коротко стриженным волосам. Он всегда так делает, когда нервничает. – Как вы себя чувствуете? Уже выздоровели?

– Нормально, – недружелюбно отвечает Богдан. – Ты что хотел?

– Я... М-м... – начинает заикаться Виталия. – Я завтра могу подъехать к вам в офис? У меня проблемы...

– У тебя есть номер Назара. Набери его, он поможет, – обрывает он и обращается ко мне, давая понять Витале, что с ним разговор закончен. – Мариш, выбрала?

Виталия бросает на меня полный раздражения взгляд и уходит, бледный как полотно. Я закрываю глаза и глубоко вздыхаю — наконец-то. Невероятное облегчение. Против-

ный тип, меня от него просто тошнит.

– Марин, все в порядке?

– А? – я поднимаю на Богдана глаза. – Да, все хорошо.

Будем делать заказ?

– Будем, – задумчиво отвечает он, явно недовольный моим ответом.

Глава 12. Богдан

Марина напрягается, заметив Виталия. На ее лице появляется болезненная гримаса, словно этот урод наступил на ее больную мозоль.

Устраивать допрос я не буду, хоть мне этого и безумно хочется. Но если я начну, Марина сразу же закроется, а мне этого не надо. У меня просто-напросто уже нет сил держать-ся. Хочу ее пиздец как сильно.

Пока Марина вновь увлекается меню, я пишу Назару сообщение:

“Узнай, как связана Марина и Лаврентьев Виталий. Срочно!”

Марина ест пасту, медленно прокручивая вилку в тонких пальцах и втягивая спагетти влажными губами — будто дразнит, не произнося ни слова. И, скорее всего, даже не догадывается, как это на меня влияет.

Внизу живота копится знакомое напряжение — настойчивое, живое, вопреки всем мыслям о незажившей ране, которая сегодня, как назло, дергает и нервирует.

– Богдан, а ты почему не ешь? Не вкусно? – нарушает молчание Марина.

– Вкусно, я не голоден, – беру бокал и делаю глоток обжигающего виски.

– Знаешь, тебе сейчас лучше отказаться от алкоголя, – задумчиво говорит она. – Это я тебе как врач советую.

– Мне льстит твоя забота. Может, после ужина ты пригласишь меня к себе и осмотришь мою рану? – серьезно спрашиваю я, прожигая ее взглядом.

Марина глубоко вздыхает — видно, что борется сама с собой. *Давай, малыша, договаривайся со своими тараканами и соглашайся.*

Она отводит глаза, теребя край салфетки. Тишина между нами становится густой. Я уже готов услышать вежливый, профессиональный отказ — тот самый, что оставит между нами безопасную дистанцию врача и пациента.

– Хорошо, – наконец произносит она. – Но только осмотр. И только если ты обещаешь не превращать это в... – она ищет нужное выражение, и щеки ее слегка розовеют.

– Во что? – не удерживаюсь от улыбки, чувствуя, как напряжение сменяется азартом.

– В нечто большее, чем медицинская помощь, – заканчивает она, и в ее голосе звучит смесь строгости и смущения.

– Обещаю, – говорю я, поднимая руки в шутливой клятве.

– Я тебе не верю. Ты уже раз пообещал не присылать мне каждый день подарки, но все равно продолжаешь это делать, – как бы между прочим замечает она.

А вот и первая обида. Ладно, сам лоханулсЯ — ведь обещал же.

– Понимаешь, Мариш, я оплатил эту услугу на месяц впе-

ред. Так что придется потерпеть.

Она качает головой, но в уголках ее губ появляется улыбка. Красивая.

У дома Марины я помогаю ей выйти из машины и, взяв под руку, веду до самого подъезда. Она не сопротивляется, а даже наоборот рада, наверное, не хочет в очередной раз упасть.

В ее квартире чисто, как в операционной, и пахнет свежими цветами и чем-то цитрусовым. Марина провожает меня в гостиную и просит подождать пару минут.

Я бегло осматриваюсь и сажусь на диван. На журнальном столике стоят несколько букетов цветов, а рядом лежат мои записки.

Возвращается она уже переодевшись в лосины и свободную футболку с небольшим металлическим чемоданчиком в руках. При мне она стягивает волосы на макушке в небрежный пучок. Выглядит моложе, уязвимее и от этого хочется ее еще больше.

– Ну что, пациент, готов к осмотру?

– Как никогда, – отвечаю я.

Она открывает чемоданчик, и я вижу знакомый набор: бинты, зеленка, стерильные салфетки, маленькие ножницы. Все разложено с хирургической точностью. Она надевает перчатки.

– Рубашку нужно снять, – говорит она деловым тоном, но

ее взгляд скользит по моей груди, прежде чем опуститься на уровень живота.

Я расстегиваю пуговицы. Малышка внимательно наблюдает, закусив губу. Черт, если она продолжит так смотреть, все закончится так и не начавшись.

Марина, глядя на меня с милой улыбкой, срывает пластырь с моего живота.

С-с-сука...

– Болит?

– Нет, – говорю я. Под ее прикосновением все внутри сжимается.

– Заживает хорошо, – констатирует она наконец. – Воспаления нет. Но тебе все равно нужен покой и, повторюсь, никакого алкоголя.

– Доктор, а что мне делать с другим симптомом? – Спрашиваю я тихо.

– С каким? – настороженно уточняет она.

– С тем, что сердцебиение учащается, когда ты рядом. Дыхание сбивается, и мысли путаются.

– Это не медицинская проблема, – отвечает она так же тихо.

– Но ты можешь ее диагностировать? – не отступаю я.

Она медленно снимает перчатки, откладывает их в сторону. Ее руки теперь голые, теплые. Одной ладонью она все еще прикасается к краю шрама.

– Диагноз прост, – говорит она. – Это к сожалению называется “влечение”.

– Почему, к сожалению? – я опускаюсь рядом с ней на корточки. – Я тебе настолько неприятен?

– Наоборот, – признается она, краснея. – Богдан, давай не будем спешить, – шепчет она и встает, не задевая меня. – Тебе нельзя напрягать живот, вставай, – тараторит она, нервничая.

Ясно, типично бабские загоны, еще не со всеми тараканами договорилась. Ладно, потерпим, а заодно и узнаем, что нароем Назар.

– Хочешь, я сварю тебе настоящий кофе в турке?

Нет, я не люблю кофе, но сейчас я точно в этом не признаюсь.

– Конечно, – отвечаю я и, не надевая рубашки, выхожу вслед за малышкой.

Малышка стоит возле плиты, переминаясь с ноги на ногу, а ноги у нее длинные, стройные, идеально очерченные в облегающих лосинах. Движения у нее легкие, точные, даже в такой простой бытовой суете чувствуется медицинская выучка — никаких лишних жестов, все экономно и по делу. Она ловко управляется с туркой, а взгляд сосредоточен на поднимающейся пенке.

– Почему ты меня боишься? – спрашиваю я, когда она садится напротив меня.

– Богдан, ты... – она явно обдумывает, как деликатнее вы-

сказаться, что напрягает меня еще больше. Я не хочу никакой деликатности. Только правду. Четкую правду. – Я не хочу связываться с человеком, который ходит по острию ножа, – все-таки говорит она.

– Я не хожу, как ты выразилась, по острию.

– Богдан, я из тебя пулю вытащила. Это говорит о многом. Я уверена, что ты связан с криминалом, а таких людей я привыкла обходить стороной, – заключает она взяв в руки чашку, смотрит на нее, а не на меня.

– Почему ты так решила? Я отмечал Новый год, там случилась потасовка, пострадал я случайно, – не задумываясь лгу я.

– Сделаем вид, что я тебе поверила. Богдан, не хочу показаться негостеприимной, но уже поздно, а мне завтра на сутки.

Марина права. Да и лучше дать ей время, нельзя на нее давить, а то сбежит, а в мои планы это не входит.

– Ладно. Спасибо за кофе. Мне действительно пора.

Она провожает меня до гостинной, не отворачиваясь ждет пока я надеваю рубашку, и до прихожей.

– Так ты завтра? — спрашиваю я, просто чтобы что-то сказать. Чтобы продлить эти последние секунды.

– На сутки, – кивает она. – Вернусь в понедельник утром.

Я делаю шаг к двери, но останавливаюсь и поворачиваюсь к ней. Малышка не отступает. Ее губы слегка приоткрыты, дыхание становится чуть чаще.

– Марина, – зову я тихо, почти шепотом.

– Что? – выдыхает она.

Я не планировал этого. Совсем. Но что-то щелкает внутри. Я протягиваю руку и касаюсь пальцами ее щеки, кожа под ними нежная, горячая. Марина замирает.

– Богдан...

– Молчи, – обрываю я и наклоняюсь к ее губам.

Сначала касаюсь их сухо и робко. Она вздрагивает, выдыхает мне в рот и приоткрывает губы.

Это похоже на падение в теплую воду. Мягкий, податливый поцелуй, с привкусом кофе. Я притягиваю ее к себе за узкую талию так близко, что ощущаю каждый удар сердца.

Я отрываюсь только тогда, когда воздуха перестает хватать на двоих. Я упираюсь в ее лоб, глотая горячий воздух из ее губ, как загнанный.

– Богдан... – шепчет она, растерянно глядя на меня большими, блестящими глазами.

– Спокойной ночи, малышка, – шепчу я, проводя большим пальцем по ее влажным от поцелуя губам.

Приятного чтения, мои дорогие) Давайте немного пообщаемся) Как вам Богдан? Как думаете, что он предпримет дальше? А может оставит Марину в покое?

Глава 13. Богдан

Щелчок зажигалки, сигаретный дым стелется в луче монитора. Да, мозг плывет окончательно. Вместо того чтобы решать накопившиеся проблемы, а их дохрена и больше, я сижу и читаю то, что нарыл для меня Назар о прошлом Марины. Оказывается Виталя – был другом ее покойного жениха. Колесова – жениха Марины – убили два года назад, застрелили в подъезде собственного дома на глазах у моей малышки. Женишок ее был редкостным гандоном. Торговал оружием, причем очень грязно.

Я листаю страницу за страницей, вгрызаюсь в форумы, куда обычно не суется полиция, в закрытые чаты. Картина вырисовывается мутная, но яснее, чем официальные сводки. Колесов не просто торговал. Он был мелким, но жадным звеном в длинной цепи. И, судя по всему, решил поиграть в свою игру — начал придерживать партии, хитрить с поставками, надумал кинуть не тех людей.

“Заказ был чистый, — пишет какой-то аноним под ником “Тень”, — даже следов не оставили. Но все знают, чьих рук это дело.”

Чьих? Я скролю ниже, но конкретики нет. Только намеки. Названия группировок, которых сейчас уже и не существует — их либо посадили, либо расформировали.

Я откидываюсь на спинку стула и тру глаза. Голова гудит

от напряжения и недосыпа. За окном уже утро, в комнате мерцает свет монитора.

И тут до меня доходит. Она все видела. Слышала выстрел и видела кровь. Теперь понятно почему Марина шарахается от меня, как от огня. Она же зашивала мой огнестрел.

Смотрю на часы – скоро заканчивается смена моей малышки. Я быстро привожу себя в порядок и по пути в заезжаю за кофе для меня и Марины — она тоже ночь не спала, наверняка обрадуется.

Едва я паркуюсь у клиники, как она выходит, закутанная в объемный белый шарф так, что видны только большие глаза. Шикарная девочка.

– Марин, – окликаю я, когда она направляется к шлагбауму.

Она оборачивается и прожигает меня уставшим взглядом. Подхожу ближе, протягиваю стаканчик с еще теплым капучино.

– Поехали, я отвезу тебя домой.

– Спасибо, конечно, – она забирает стаканчик, – но не стоило. Я сама в состоянии доехать до своей квартиры. – Голос звучит резко, почти нервно.

– А я решил сделать тебе приятно. Чтобы ты доехала с комфортом.

Беру ее под руку и веду к машине. Малышка не вырывается, но дышит тяжело. *Привыкай, солнце, я не уступлю.*

Всю дорогу Марина молчит и упорно смотрит в окно.

– Богдан, спасибо, что подвез, – говорит она, когда я паркуюсь около ее подъезда. Чувствую, сейчас херню какую-нибудь скажет. – Но больше не стоит этого делать.

Как знал!

– Мариш, ты устала, иди отдохни.

– Ты не понимаешь? – Срывается она на крик. – Не надо больше ко мне ездить, не надо забирать меня с работы, не надо присылать мне цветы и сладости, и кофе тоже не надо! Забудь про меня! – с глазами полными слез тараторит она.

Терпи, Калашиников, терпи! Малышка устала, боится. Просто наберись терпения!

– Мариш, давай ты успокоишься, – отвечаю я и очень нежно провожу пальцами по ее раскрасневшийся щеке. – У тебя была тяжелая ночь? Много больных?

– Открой дверь, пожалуйста, – скорее требует, чем просит, она и, не дождавшись, дергает за ручку.

Я наблюдаю, а Марина моего взгляда избегает. В итоге я сдаюсь и делаю, как она просит. Марина хватает рюкзак и пулей вылетает из машины. Глубоко вздыхаю и подкуриваю сигарету.

По дороге в офис я звоню Валентине Ивановне — медсестре, которая работает вместе с Мариной. От нее уже узнаю, что мою малышку сегодня загонял мудак Петрович, точнее — Виктор Петрович. Эта гнида решил, что может

помыкать молодняком. Правда, всю эту информацию пришлось вытягивать клещами, потому что Валентина Ивановна — добрейшей души человек, и ей всех жалко. Если бы у неё была возможность, она бы приютила всех бомжей на районе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.